

УДК 159.9.072.43:316.752

Изменения ценностных ориентаций субъекта в условиях экономического кризиса

И. В. Кряж
kryazh@gmail.com

Рассматриваются результаты исследования индивидуальных ценностей, проведенного в г. Харькове в 2008-2010 гг. на выборке 637 человек. Обсуждается роль ценностных ориентаций в осмыслении изменяющейся социальной действительности. Анализируются особенности ценностей у представителей разных возрастных групп, обусловленные мировым экономическим кризисом и его последствиями в Украине. Выявлены общие и различные тенденции в динамике мотивационных типов ценностей у респондентов разных возрастных групп.

Ключевые слова: индивидуальные ценности, мотивационные типы ценностей, смысловая регуляция, осмысление макроэкономических изменений

Розглядаються результати дослідження індивідуальних цінностей, проведеного в м. Харкові в 2008-2010 рр. на вибірці 637 осіб. Обговорюється роль ціннісних орієнтацій в осмисленні соціальної дійсності. Аналізуються зміни цінностей у представників різних вікових груп, обумовлені світовою економічною кризою та її наслідками в Україні. Виявлені загальні й різні тенденції в динаміці мотиваційних типів цінностей в респондентів різних вікових груп.

Ключові слова: індивідуальні цінності, мотиваційні типи цінностей, смислова регуляція, осмислення макроекономічних змін

Results of the individual values research carried out in Kharkov in 2008-2010 on the sample of 637 persons are considered. The role of group values in the meaning of social reality is discussed. Changes of values at representatives of different age groups, caused by a world economic crisis and its consequences in Ukraine are analyzed. The general and various tendencies in dynamics of motivational types of values at respondents of different age groups are revealed.

Key words: individual values, motivational types of values, meaning regulation, meaning of macroeconomic changes

Предметом данной статьи являются изменения в системе ценностных ориентаций субъекта, обусловленные макроэкономическими изменениями. Основу данной работы составило исследование индивидуальных ценностей, проведенное нами в г. Харькове в 2008-2010 гг., отдельные результаты которого были отражены в ряде публикаций [1; 2; 3, с. 248-285]. Исследование было начато в ситуации относительно устойчивого экономического развития в стране, сменившегося резким экономическим спадом и ростом безработицы (осень 2008 – весна 2009), и продолжено в условиях последовавшей за этим экономической стагнации. Таким образом, макроэкономические изменения в стране стали фактором, влияние которого проявилось в особенностях ценностных ориентаций респондентов, находящихся в той или иной макроэкономической ситуации. Такое не планируемое заранее исследование дает возможность глубже рассмотреть регуляторную функцию ценностей в их связи с процессами смыслообразования.

Ш. Шварц и В. Билски (1987) указывают на пять особенностей ценностей, отмечаемых разными исследователями: ценности – это убеждения или мнения; относятся к желаемым конечным состояниям или способам поведения; не привязаны к специфическим объектам или ситуациям; определяют выбор и оценку поступков и событий; упорядочены по важности в систему ценностных приоритетов [17]. Билски и Шварц подчеркивают, что все эти формальные характеристики ценностей не раскрывают «критическую особенность... – мотивационное содержание ценности. Ценности – когнитивные репрезентации важных человеческих целей или мотивов, относительно которых люди должны общаться, чтобы координировать свое поведение. Содержание, которое отличает одну ценность от другой – это тип мотивации или цель, которую она репрезентирует» [7, с. 164]. Шварц выделяет 10 мотивационных типов ценностей, содержание каждого из которых определяется центральной целью: доминирование, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность, и предлагает концептуальную модель динамической связи универсальных мотивационных типов ценностей [7; 14-18]. Ценностные типы объединяются Шварцем в круговую схему, раскрывающую совместимость и конфликтность базовых ценностей. Ценности, расположенные в смежных секторах, связываются отношениями дополнительности (в силу их мотивационной близости), а те ценности, что расположены в противоположных секторах, находятся в конкурентных отношениях (из-за антагонизма соответствующих им побуждений).

По Шварцу, отношения мотивационных типов ценностей раскрываются в системе двух основных измерений: «самовозвышение – самотрансцендентность» (ценности власти и достижения противопоставлены ценностям универсализма и доброты) и «открытость изменениям – консерватизм» (ценности самостоятельности и стимуляции создают оппозицию ценностям безопасности, конформности и традиции). Первое из этих двух измерений по своему содержанию перекрывается с оппозицией материалистических и постматериалистических ценностей, постулируемой Р. Инглхартом [10]. Распространенность в социуме постматериалистических ценностей Р. Инглхарт связывает с уровнем экономического развития и демократизации общества. В пользу такого утверждения свидетельствуют

результаты кросскультурных исследований ценностей, проведенных в 1990-х гг. и выявивших более высокую значимость материалистических ценностей (ценностей самовозвышения, по Шварцу) и более низкую значимость ценностей постматериалистических (ценностей самопреодоления) в постсоветских и постсоциалистических странах по сравнению с другими европейскими странами [10; 4; 6].

Вместе с тем, в исследовании Ш. Шварца [16] показано, что в 20-ти развитых капиталистических странах значимость ценностей самовозвышения (власть и достижение) тем выше, а значимость ценностей универсализма тем ниже, чем более выражены в этих странах институты и идеология американского корпоративного капитализма, который «получил в настоящее время наиболее широкое распространение» и «с наибольшей вероятностью будет влиять на людей в будущем» [там же, 52]. По результатам этого исследования индивидуальных ценностей, самые низкие показатели ценностей универсализма (постматериалистические ценности) и самые высокие значения ценностей власти (материалистические) были выявлены у граждан США.

В другом исследовании, проведенном в 1988-1993 гг., Ш.Шварц обратился к системной организации ценностей на уровне культуры [15]. Им были выделены семь базовых культурных ценностей, которые задают три основные ценностные измерения: консерватизм – автономия (интеллектуальная и аффективная), иерархия – эгалитаризм, гармония – мастерство. При анализе на уровне культуры определяется место ценностей, характерных для представителей каждой из изучаемых культур, в системе этих трех измерений. Согласно Ш.Шварцу, ценности учителей из России и из стран восточной Европы тяготеют к полюсу консерватизма, занимая промежуточное положение между ценностями иерархии и эгалитаризма, а ценности студентов из восточноевропейских стран были смещены к полюсу ценностей гармонии с окружающим миром (в отличие от северо-американских студентов с выраженной ориентацией на ценности контроля над окружением и иерархии). Таким образом, по результатам данного кросс-культурного исследования, выраженность ни материалистических ценностей, отражающих ориентацию на власть и деньги, ни ценностей постматериалистических, к которым относятся эгалитаризм и ориентация на защиту окружающей среды, не предопределяется уровнем экономического развития страны.

Как видим, на уровне культурных ценностей проявляется различие между эгалитаризмом и гармонией, иначе говоря – между социально-альтруистическими и биосферными (экологическими) ориентациями, которые на уровне анализа индивидуальных ценностей объединяются Шварцем в одном мотивационном типе «универсализм». Вопрос о соотношении социально-альтруистических и биосферных ценностей в последние десятилетия дискутируется в зарубежной инвайронментальной психологии [8]. И хотя результаты ряда исследований служат аргументом в пользу отдельного анализа биосферных (экологических) и альтруистических ценностей [18; 19; 11], некоторые авторы считают гипотезу о различиях между этими видами ценностей избыточной [9]. Однако в контексте антропогенных экологических изменений проблема биосферных ценностей как фактора проэкологической активности становится все более актуальной. Один из аспектов этой проблемы связан с вопросом о роли биосферных ценностей в осмыслении экономических реалий и об их динамике в условиях экономических потрясений.

Согласно Ш. Шварцу и В. Билски, в основе всего ценностного разнообразия лежат три типа универсальных человеческих потребностей: биологические потребности, потребности социального взаимодействия и потребности, связанные с выживанием и благосостоянием социальных групп [7]. Включаясь в процессы мотивации и смыслообразования, ценности выполняют регулятивную функцию, на что указывает М. Raudsepp: «Ценности функционируют как организующее и регулирующее устройство – на индивидуальном или на социальном уровне» [12, с.212]. Связь ценностей со смысловыми процессами отмечается В. Франклом: «ценности можно определить как универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество или даже все человечество» [5, с.288]. М. Raudsepp подчеркивает, что «ценности обеспечивают культурный каркас для выработки смысла в индивидуальных жизнях» [12, с.213]. Можно ожидать, что в условиях резких макроэкономических и/или политических изменений групповые ценности служат отправной точкой при выработке / корректировке жизненной стратегии личности, определяя вектор осмысления социальной реальности. Вместе с тем, социальные изменения запускают дрейф индивидуальных ценностей, обуславливая тем самым трансформации ценностей групповых. Именно изменения в индивидуальных ценностях, выражающиеся через сдвиги в системе групповых ценностей, составили предмет нашего исследования.

Выборка. В исследовании приняли участие 637 человек – 413 женщин и 214 мужчин. Из них: 418 студентов в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст 20,4 года), 84 – от 25 до 38 лет (средний возраст 31 год) и 135 человек в возрасте от 39 до 62 лет (средний возраст 46 лет). Сбор данных осуществлялся в г.Харькове с апреля 2008 г. по июнь 2010 г.: 106 респондентов заполняли опросник в период относительно устойчивого экономического развития в стране (до сентября 2008 г.), 382 – в период резкого экономического спада и роста безработицы (декабрь 2008 – март 2009) и 149 – в период экономической стагнации (февраль – июнь 2010 г.).

Методы исследования. Нами был использован модифицированный вариант «Обзора ценностей» Ш. Шварца, в который вошел список терминальных ценностей (30 пунктов) и дополнительный пункт «Экологическая безопасность (стабильность среды, уверенность в качестве воздуха, воды, жилья)». Степень важности каждой ценности оценивалась по шкале от -1 до 7. Полученные данные были подвергнуты многофакторному дисперсионному анализу (MANOVA), в качестве факторов рассматривались пол, возрастная группа и макроэкономическая ситуация. Обработка данных проводилась с помощью программного пакета Statistica 6.

Результаты исследования и их обсуждение. В таблице 1 приведены средние значения терминальных ценностей в трех возрастных группах. Дисперсионный анализ показал, что в целом с возрастом значимо ($p < 0,01$) возрастает роль ценностей сохранения (социальный порядок, национальная безопасность, экологическая безопасность, семья, самодисциплина, традиции), универсализма (мир, единство с природой, красота природы и искусства) и благосостояния / денег как ценности, снижается значимость ценностей удовольствия и разнообразия.

Таблица 1

Средние значения ценностей в трех возрастных группах

№	Ценность	Полюс*	17-24 года		25-37 лет		Старше 38 лет	
			Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.
1	Равенство	С-г	3,75	1,89	3,01	2,00	3,64	2,03
2	Внутренняя гармония		5,18	1,53	6,01	1,05	5,49	1,31
3	Власть	С-в	1,98	2,15	1,67	2,10	1,94	2,52
4	Удовольствие	С-в / ОИ	4,26	1,54	4,21	1,64	3,86	1,57
5	Свобода	ОИ	5,24	1,29	5,07	1,37	5,14	1,38
6	Духовная жизнь		3,95	1,88	4,07	1,59	4,30	1,84
7	Чувство принадлежности		3,92	1,77	3,64	1,77	4,44	1,49
8	Социальный порядок	К	3,95	1,60	4,55	1,48	4,97	1,46
9	Интересная жизнь	ОИ	4,76	1,56	4,33	1,56	4,30	1,47
10	Смысл жизни		5,46	1,34	5,69	0,93	5,13	1,21
11	Вежливость	К	4,12	1,51	4,35	1,50	4,30	1,68
12	Благосостояние	С-в	4,53	1,49	4,90	1,32	4,97	1,37
13	Национальная безопасность	К	3,72	1,81	4,42	1,42	4,64	1,65
14	Самоуважение		4,93	1,35	5,38	0,85	5,15	1,31
15	Взаимоуслужливость	К	3,20	1,74	3,23	1,85	3,63	2,06
16	Творчество	ОИ	4,24	1,71	4,33	1,57	4,19	1,58
17	Мир на земле	С-г	4,46	1,84	4,85	1,96	5,44	1,22
18	Уважение традиций	К	3,19	1,86	3,60	1,55	4,32	1,94
19	Зрелая любовь		5,30	1,57	5,39	1,21	4,87	1,51
20	Самодисциплина	К	3,68	1,73	3,80	1,62	4,25	1,60
21	Уединение		4,40	1,50	4,64	1,29	4,58	1,68
22	Защита семьи	К	5,56	1,24	5,87	0,93	5,89	1,08
23	Социальное признание		4,14	1,48	4,27	1,56	4,16	1,60
24	Единство с природой	С-г	3,42	1,89	3,67	1,81	4,10	1,57
25	Разнообразие жизни	ОИ	4,20	1,61	4,02	1,63	3,36	1,88
26	Мудрость	С-г	4,72	1,49	5,01	1,23	4,97	1,64
27	Авторитетность	С-д	3,53	1,82	3,48	1,85	3,84	1,96
28	Настоящая дружба		5,29	1,30	4,99	1,42	4,53	1,82
29	Мир прекрасного	С-г	4,24	1,61	4,38	1,29	4,66	1,47
30	Социальная справедливость	С-г	4,09	1,58	4,12	1,55	4,42	1,72
31	Экологическая безопасность	К	4,53	1,53	4,87	1,53	5,21	1,23

* С-г – ценностный полюс самотрансцендентности; С-в – полюс самовозвышения; К – полюс консерватизма; ОИ – полюс открытости изменениям.

Также были выявлены различия, обусловленные полом респондентов: для женщин более важными, чем для мужчин были ценности универсализма (мир, природа, красота) и экологической безопасности, и менее важными – ценности «власть», «авторитетность», «интересная жизнь» и такие ценности сохранения, как «самодисциплина», «традиции», «взаимоуслужливость». В целом эти результаты согласуются с гендерными тенденциями, прослеживаемыми в других странах [14].

При анализе ценностной динамики, связанной с макроэкономической ситуацией, были рассмотрены основные мотивационные типы ценностей, в первую очередь – ценности власти, универсализма, безопасности (значимых различий в ценностях, относящихся к четвертому смысловому полюсу – открытости изменениям, не было выявлено) (табл. 2). Наиболее значимыми для респондентов всех возрастных групп на всех этапах исследования были ценности безопасности, наименее – ценности власти. Вместе с тем, показатели значимости власти как мотивационного типа ценностей для наших респондентов заметно превышают диапазон значений ценностного типа власти, полученных в 20 развитых странах. Отметим, что такое превышение определяется высокой значимостью для украинских респондентов ценности материального благополучия / денег (другие

составляющие это ценностного типа – ценности власти и авторитетности). Что же касается ценностей универсализма, то для наших респондентов они значимы в той же мере, как и для жителей развитых стран.

Таблица 2

Изменения в базовых ценностях в зависимости от экономической ситуации

№	Базовые ценности	До кризиса (апрель-сентябрь 2008)		Обострение экономической ситуации (декабрь 2008 – март 2009)		Относительная стабильность (февраль – июнь 2010)		Диапазон значений в 20 развитых странах *
		Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.	
1	Власть	3,17	1,39	3,38	1,44	3,59	1,51	1,5 – 2,29
2	Универсализм	3,96	0,89	4,14	1,10	4,57	0,91	3,91 – 4,89
3	Безопасность	4,45	0,89	4,69	0,99	4,82	0,99	

* Данные приводятся по [6, с.55] (значения ценности безопасности в указанной работе опущены)

Дисперсионный анализ выявил как сходные, так и различные тенденции в динамике значимости мотивационных типов ценностей для респондентов разных возрастных групп. Наиболее явно эти тенденции проявляются при сравнении младшей и старшей возрастных групп. На рис. 1 представлены изменения в показателях трех типов ценностей, зафиксированных в этих двух возрастных группах. Примечательным является тот факт, что экономический кризис приводил к росту значимости ценностных смыслов универсализма. При этом в старшей возрастной группе такой рост объяснялся обострением смыслов социальной справедливости, повышением ее значимости как ценности. В группе студентов повышение значимости ценности социальной справедливости было незначительным, зато резко актуализировались биосферные смыслы, отраженные в ценности единства с природой. Для старших респондентов ценность единства с природой, напротив, стала менее значимой в ситуации экономического кризиса.

И если укрепление ценности единства с природой сочеталось в младшей группе с ослаблением ценности власти и благополучия, то в старшей возрастной группе вместе с усилением ориентации на ценности социальной справедливости возрастала значимость смыслов самовозвышения, выраженных в ценностях власти, благополучия и авторитетности. Одновременно повышалась значимость ценностей безопасности для людей зрелого возраста, в то время как для студентов ценность безопасности оставалась на прежнем уровне.

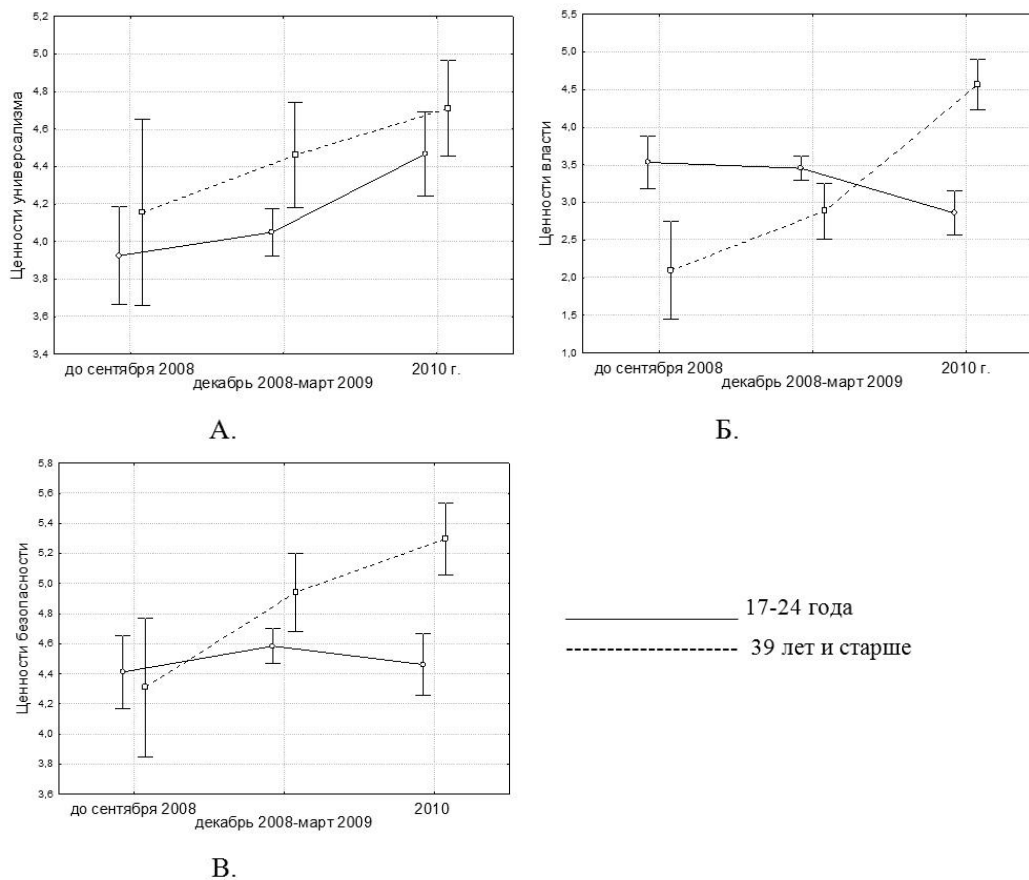

Рис. 1. Изменения типов ценностей в зависимости от макроэкономической ситуации в двух возрастных группах: А – ценности универсализма; Б – ценности власти; В – ценности безопасности

Таким образом, хотя в целом по выборке макроэкономические изменения вели к актуализации ценностного полюса самотрансцендентности, смысловые акценты при этом были различными в двух возрастных группах: у студентов на первый план выходили биосферные ценности, у старших респондентов – социально-альтруистические ценности эгалитаризма. Одновременно у работающих респондентов зрелого возраста переживание экономического кризиса, несущего угрозу потери рабочего места, сопровождалось ростом значимости ценностей безопасности и ценностей власти. Тому факту, что у студентов ухудшение макроэкономической ситуации не сопровождается повышением значимости ценностей безопасности, может быть дано несколько объяснений. Это может быть проинтерпретировано как проявление уверенности в собственных силах и готовности к испытаниям, но, вместе с тем, и как недооценка действительных последствий экономического кризиса.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о структуре ценностей самотрансцендентности и их соотношении с ценностями самовозвышения. Согласно теории Ш.Шварца, эти два ценностных полюса находятся в отношениях антагонизма, т.ч. усиление одного из них должно сопровождаться ослаблением другого. Между тем, повышение значимости ценностей самотрансцендентности за счет более выраженной ориентации на социальную справедливость в условиях экономического кризиса сочеталось в старшей группе со значительным усилением ценностей самовозвышения. Учитывая, что наше исследование не было лонгитюдным, и сравнение ценностей на разных этапах экономической жизни страны проводилось по данным разных выборов, можно допустить, что наши респонденты различались по вектору сдвига в ценностях, и если для одних на первый план выходили смыслы нарушения социальной справедливости, то для других решающую роль в осмыслении экономической ситуации начинали играть ценности самовозвышения – деньги, власть, авторитетность – как жизненные цели и способы преодоления трудностей. Нельзя также исключать ценностный конфликт, спровоцированный экономическими изменениями, при котором требование социального равенства и справедливости сочетается с эгоистическим стремлением к укреплению собственного благосостояния. В любом случае, смысловой антагонизм двух рассматриваемых полюсов если и имел место, то в латентной форме. И напротив, как отмечалось выше, явный антагонизм прослеживался между биосферными ценностными смыслами и смыслами самовозвышения в группе студентов. Не останавливаясь здесь на возможных механизмах и следствиях такого осмысления социально-экономических реалий, подчеркнем, что полученные результаты являются еще одним аргументом в пользу положения о различном мотивационном содержании (и разных смыслах) биосферных и социально-альтруистических ценностей.

В целом, результаты проведенного исследования раскрывают трансформации личностных ценностей под влиянием макроэкономических изменений и указывают на возрастную специфику осмысления экономического кризиса. Выявлены проэкологические тенденции в изменении ценностей студенческой молодежи в ответ на макроэкономические изменения, что подводит к вопросам об устойчивости этих тенденций и характере их проявления в жизнедеятельности в зависимости от социально-экономического статуса субъекта.

Литература

1. Kryazh I. V. Psihologiya global'nyh ehkologicheskikh izmenenij: monografiya / I. V. Kryazh. – H.: HNU imeni V. N. Karazina, 2012. – 512 s.
2. Kryazh I. V. EHkologicheskie ustanovki i cennostnye orientacii studentov / Kryazh I. V. // Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Ser.: Psihologiya. – 2009. – № 857. – S. 101–110.
3. Kryazh I. V. Tipi cinnisno-dispozicijnoj strukturi osobistosti / I. V. Kryazh // Problemi suchasnoï psihologii: Zbirnik naukovih prac' Kam'yanec'-Podil's'kogo nacional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiienka, Institutu psihologii im. G.S. Kostyuka APN Ukraini / Za red. S. D. Maksimenka, L. A. Onufrievoj. – Vip. 7. – Kam'yanec'-Podil's'kij: Aksioma, 2010. – S. 332–343.
4. Rudnev M. G. Bazovye cennosti naseleniya: sravnenie rossiyan s zhitelyami drugih evropejskikh stran: avtoref. dis. na soiskanie uch. stepeni kand. sociol. nauk: spec. 22.00.04 «Social'naya struktura, social'nye instituty i processy» / Rudnev Maksim Gennad'evich // M., 2009. – 29 s.
5. Frankl V. SHELovek v poiskah smysla / V. Frankl. – M.: Progress, 1990. – 368 s.
6. Yanickij M.S. Cennostnye orientacii lichnosti kak dinamicheskaya sistema / M.S. YAnickij. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. – 204 s.
7. Bilsky W. Values and personality / Wolfgang Bilsky, Shalom S. Schwartz // European journal of personality. – 1994. – Vol.8. – P. 163–181.
8. Dietz T. Environmental values / Thomas Dietz, Amy Fitzgerald, Rachael Shwom // Annual Reviews Environment and Resources. – 2005. – Vol. 30. – P. 335–372.
9. Hansla A. Value Orientation, Awareness of Consequences, and Environmental Concern. Doctoral dissertation in psychology / André Hansla. – Sweden, Department of Psychology, University of Gothenburg, 2011. – 43 p.
10. Inglehart R. Public Support for Environmental Protection: Objective Problems and Subjective Values in 43 Societies / Ronald Inglehart // PS: Political Science and Politics. – 1995. – Vol. 28. – N 1. – P. 57-72.
11. Ojala M. Adolescents' Worries about Environmental Risks: Subjective Well-being, Values, and Existential Dimensions / Maria Ojala // Journal of Youth Studies. – 2005. – Vol. 8. – No. 3. – P. 331–347.

12. Raudsepp M. Values and environmentalism / Maaris Raudsepp // TRAMES. – 2001. – Vol. 5(55/50). – N 3. – P. 211–233.
13. Schultz W.P. The structure of environmental concern: concern for self, other people and the biosphere / P. Wesley Schultz // Journal of Environmental Psychology. – 2001. – Vol.21. – N4. – P. 327–339.
14. Schwartz S. H. Cross-National Variation in the Size of Sex Differences in Values: Effects of Gender Equality / Shalom H. Schwartz, Tammy Rubel-Lifschitz // Journal of Personality & Social Psychology. – 2009. – Vol. 97. – № 1. – P. 171-185.
15. Schwartz S. H. A theory of cultural values and some implication for work / Shalom H. Schwartz // Applied Psychology: An International Review. – 1999. – Vol. 48. – N 1. – P. 23–47.
16. Schwartz S. H. Cultural and Individual Value Correlates of Capitalism: A Comparative Analysis / Shalom H. Schwartz // Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory. – 2007. – Vol.18. – N 1. – P. 52–57.
17. Schwartz S. H. Toward a universal psychological structure of human values / Shalom H. Schwartz, Wolfgang Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol.53. – P. 550–562.
18. Schwartz S. H. Worries and values / Shalom H. Schwartz, Lilach Sagiv, Klaus Boehnke // Journal of Personality. – 2000. – Vol. 68. – N 2. – P. 309–346.
19. Sevillano V. Perspective taking, environmental concern, and the moderating role of dispositional empathy / Verónica Sevillano, Juan I. Aragonés, Wesley P. Schultz // Environment & Behavior. – 2007. – Vol. 39. – N 5. – P. 685–705.